

...И НЕ СТАРЕЛИ В ШЕСТЬДЕСЯТ

О Ч Е Р К

У ОСТАНОВКИ такси притоптывает то ли от мороза, то ли от нетерпения знакомая грузноватая фигура...

Заслуженный артист республики Владимир Александрович Захаров торопится в Марчеканский клуб на репетицию. Автобусы переполнены, а такси нет и нет.

Останавливаем свой «Москвич».

— Садитесь, подвезем.

— Истинно христианские души. Удачи вам до восхода солнца...

— Цитата из роли?

Владимир Александрович смеется.

— Наверно. Пятьсот ролей сыграно. Не всегда разберешься, что из пьесы, что из... головы.

Артист доволен:

— А ведь не опоздаю к своим казакам. Хотя они народ терпеливый: случается, по часу ждут. Искусство требует... — Владимир Александрович вздохнул: — ...улучшения транспорта.

И вот мы у ярко освещенного клуба. Захаров стремительно вырывается из машины.

— Приходите на премьеру.

— Когда?

— Месяца через два. Не раньше. Позвоню... — И он уже топает по ступенькам высокого крыльца.

Итак три раза в неделю, когда нет спектакля. И так несколько месяцев подряд.

...Вот мы и на премьере драмы «Назар Стодоля», поставленной на общественных началах В. А. Захаровым на сцене рабочего клуба.

Отзвучали аплодисменты, разошлись благодарные зрители. В тесной гримировочной, за сценой — все участники спектакля. Лица возбужденные, радостные.

— Это вам спасибо, Владимир Александрович. Дорогой наш Владимир Александрович. От всех участников, от всего завода...

Возвращаемся в город почти в пустом, последнем автобусе. Некоторое время Захаров молчит, затем слышится его басок: — Хорош! Не зря провел еще один день. Только он что-то коротковат. Не находите?

Часы показывают двадцать минут первого. И снова примолк, видимо, дремлет на заднем сиденье уставший, седой человек.

ОПУСТИВ голову, идет он по солнечной стороне улицы пасмурный, удрученный.

— Чем расстроены, Владимир Александрович?

Захаров остановился, достал из кармана несколько листов, прихваченных канцелярской скрепкой.

— Полюбуйтесь. Две соседки — интеллигентные особы неистово жалуются друг на друга. Был сейчас у них, как депутат, пытался примирить, объяснить.

— Не удалось?

Он смотрит так, будто нехитрая догадливость наша — причина огорчения ему самому.

— Конечно, нет. Но я о другом. Как это могло случиться? Образованные женщины. Государство их учило, растило. Вышло на прямой путь, а они соль в чайники подсыпают. Спрашиваю: «Бываете в театре? Видели «Семью Плахова?», «Деревья умирают стоя»? Бормочат что-то. — Он сердито сунул листки в карман и застучал большим пальцем в грудь: — Ошибки в их воспитании — наша вина. Плохо говорим с людьми, плохо работаем. Плохие спектакли ставим. Театр — не только школа. В нем надо так играть роль, чтобы силой, правдой своей она до крови была всех этих сварливых людишек, тунеядцев, пьяниц...

Видя, что на него поглядывают прохожие, Владимир Александрович подобрел:

— Ну, ладно... Пусть не всех, но этих двух обязательно!

ТЕРПЕЛИВО сидит у людной приемной учреждения, ведающего распределением квартир, обычно подвижный человек. Его открытое, доподлинно русское

лицо выражает решимость и беспокойство.

— Квартиру менять надумали, Владимир Александрович?

— Доживу и в своей. Тут, понимаешь, совсем другое дело... — и, переходя на четкий шепот, рассказывает горькую историю об очень хорошем человеке. Слесарь автобазы. Трое детей, больная мать, и вот беда-то! — одна единственная комната в двадцать семь метров. — Я был у них. Такая теснота!

Осторожно замечаем, что иметь комнату почти в тридцать метров не такая уж большая беда. Он машет руками:

— Что вы, что вы! Это же дети! А им столика поставить негде. Я докажу жилищной комиссии. — Но тут же его решимость уступает робкому сомнению: — Как думаете, сумею? Нет у меня этого, этой... — он прищелкнул пальцами в поисках нужного слова.

Пытаемся подсказать:

— Напора...

— Верно, и красноречия нет. Только мне кажется, если сам веришь, то сможешь убедить и других. А я верю. Дети ведь... ребятишки...

— Товарищ Захаров, — позвала секретарь, — проходите.

Он поднялся уходить. Невольно подумалось, что есть у этого человека не только уверенность. Есть у него душевность, доброта сердечная. И откроют они перед ним не одну дверь.

ИЗВЕСТНО ли вам, сколько всяких забот у председателя местного комитета такого разностильного коллектива, как музыкально-драматический театр? Неизвестно. Спросите тогда у Владимира Александровича Захарова, он знает. Он и есть этот самый председатель. У него, конечно, имеется план работы, который никогда не вместил бы всего того, что приходится делать.

Социалистическое соревнование между цехами театра в честь Великого 50-летия... Коллективный договор... Спецодежда бу- тафоров и стюардов... Дисциплина среди музыкантов... Материальная помощь уборщице Шуре... Место в детсадах для ребенка... Председателю местного комитета недостаточно быть хорошим организатором и чутким человеком. Ему нужно быть и принципиальным.

Дирекция решила уволить актера Н. за большую оплошность.

— Нет, — сказал Захаров, посоветовавшись с членами месткома. — Мы верим, что Н. исправит свою ошибку.

Администрация настаивала, основания для этого были.

— Нет, — еще раз повторил председатель месткома и не пожалел об этом.

Сейчас актер Н. исправился. Картины с него писать, разумеется, рано, но в пример другим его уже ставят.

СЕНТЯБРЬ — лучший месяц магаданского лета. Хотя это уже осень. Золотая осень... И задолго до рассвета vychаивает по безлюдному шоссе человек в

плаще и с удочками в руках, торопясь встретить восход на давно облюбованном берегу.

Милая горная речушка, делая поворот, размыла правый берег, образовала тихую заводь и, урча на гальке, полилась дальше.

— Енисей... — без улыбки говорит Владимир Александрович, — только берег пониже да лес пожирнее...

Как настоящий рыбак, он предпочитает промышлять молча. Но как общительный человек, может и поговорить, если собеседник не слишком навязчив...

— Вот эдак, один, я бываю пять-шесть раз в году, не больше. Актеру нельзя отрываться от людей. Захаживаешь. Актер должен знать, как радуются люди, как горюют, даже как кляузы пишут друг на друга... Тогда он создает на сцене живой характер, а не схему. Как бы она, жизнь, не улыбалась или рычала. Вот почему всю свою жизнь я никогда не уходил от общественных, партийных дел. Жизнь — наша школа, наши университеты...

Вот теперь пора заговорить о Владимире Александровиче, как о заслуженном артисте республики, о Захарове — художнике.

Биография актера, в той или иной степени, служит зеркалом эпохи, в которой он жил и творил. Актерская жизнь молодого Захарова, выпускника студии рабочего театра, началась в 1925 году, когда молодая советская драматургия завоевывала главное место в жизни нашего театра. Еще маршировали на подмостках яростные синемблудники, но уже вместе с инсценировками «Овода» Войнич и «Джимми Хиггинса» Синклера на театральных афишах появились названия «Любовь Яровая» Тренева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Штурм» Биль-Белоцерковского, «Ярость» Яновского, «Огненный мост» Ромашева, «Рельсы гудят» Кириона — чудесные самоцветы драматургии социалистического реализма.

За долгие театральные годы артист Захаров испытал на себе и цепкую руку «сверхсовременных» формалистов, и влияние плохо проветренного «классицизма», сталкивался с «левыми» вывертами техников от искусства и т. д. Но в силу своего характера, идейной убежденности он неизменно оставался верным высокой человеческой правде, которую воспринял с первых дней работы и учебы.

Воспитанный в животворных традициях Щепкина и Станиславского, артист Захаров приобрел спокойную силу, которая и привела его к созданию полнокровных образов «Человека с ружьем», Платона Ершова, большевика Хлебникова из «Персонального дела» Штейна, Актера из пьесы «На дне» Горького, Городничего из «Ревизора» и еще других четырехсот ролей.

Владимир Александрович рассказывает, что в первые дни работы над образом Ершова из «Братьев Ершовых» ему хотелось наградить своего героя отличительной чертой.

— Пожилые люди годами вынашивают свои привычки. Даже скверные, — иронически шурысь, говорит он, — до того берегут, что перестают замечать их. Вот у нас и появляется характерное покашливание, движение рук, головы и т. д. В жизни это встречается на каждом шагу. Взять да и перенести сие на сцену. Велик соблазн сразу создать что-то необычное, ершовское! А?

— И вы?

— Отказался, конечно. Это — прием опереточных «любимцев публики». Это поверхностно, значит, не искусство.

Нам с Владимиром Александровичем приходилось беседовать много раз. Но о его актерском труде толкуем впервые. Говорит, собственно, он. Воодушевившись, жестиком, забывает об удочках.

— Меня не раз спрашивали, какие из сыгранных ролей я больше всего люблю. Всякие. Помните замечательного русского актера Иллариона Певцова? Полковника Бородину в фильме «Чапаев» играл. Так Певцов говорил: «Моя любимая роль — это та, которую я еще не сыграл». Прекрасно! Я тоже мечтаю сыграть роль. По-русски. С нашими национальными чертами. Что-то могучее, сильное, вроде...

— Шире дорогу, Любим Торцов идет!

Сыграть в труппе, где драма в почете... Недоговорив, Захаров махнул рукой.

— Разговорился тоже. Клюет плохо. А рыба любит тишину.

КАК и всякий актер, Владимир Александрович сохранил за долгие годы много фотографий, афиш, адресов, вырезок из газет — след яркой и трудной актерской жизни.

Хвалят его за творческие успехи с большой щедростью: «Колоритный образ Городничего создал артист В. Захаров», «...Удивительно правдиво создает он образ незадачливого графа в «Хозяйке гостиницы», «Наибольший успех выпал на долю талантливого исполнителя роли подпольщика Андрея Захарова».

Но не это интересует сейчас В. А. Захарова. Он откладывает в сторону красочные афиши и разворачивает пожелтевшую от времени листовку.

Шершавая бумага, мелкий набор. В правом верхнем углу неизменно твердое: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Год выпуска — 1926. Красноярский окружной отдел политпросвета призывает всех трудящихся посмотреть в театре инсценировку романа Э. Синклера. Роль патриота Джимми Хиггинса исполняет молодой артист Владимир Захаров.

Немного грустная улыбка появляется на лице Владимира Александровича. Былое, юность. Он вспоминает:

— Актеры старшего поколения с их твердыми амплуа не умели, а многие и не хотели перевоплощаться в рабочих. Играть молодых парней в промассленных спецовках пошли мы, молодые актеры — вчерашние рабочие. Но вы бы только видели! Как прекрасно понимал и принимал нас трудовой зритель! Гул стоял, стены тряслись!

Заметив некое преувеличение, Владимир Александрович с обычным юмором перебил себя:

— Я же не говорю: до основания. Немножко.

И невольно подумалось: люди стареют по-разному. Одни «распадаются» на составные элементы: болезни, нитые, замкнутость. Другие — подобно В. А. Захарову — могут сказать стихами хорошего поэта:

— Да, мы под тридцать лет сидели

И не старели в шестьдесят!

Вяч. ВУЙЦИК.

НА СНИМКАХ: В. А. Захаров в ролях Городничего (Н. В. Гоголь. «Ревизор»), Цыгана-отца (Л. Н. Толстой. «Живой труп») и дядюшки Джорджа (П. Алексис. «Остров Афродиты»).